

A high-contrast, black and white poster with a grainy, photocopied texture. The background is a solid black. In the upper left, a large, clenched fist is raised, holding a flag that flows diagonally across the frame. Below the fist, the faces of four individuals are shown in profile or three-quarter view, looking forward with serious expressions. The faces are rendered in white against the black background. The text is in a bold, sans-serif font, with some words in white and others in black.

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Анатолий
Штырбул**

**СОВЕТСКИЕ
ОЧАГИ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РОССИИ**

Советский век

Анатолий Штырбул
**Советские очаги за
пределами России**

«Алисторус»

2026

УДК 316.423
ББК 66.64

Штырбул А. А.

Советские очаги за пределами России / А. А. Штырбул —
«Алисторус», 2026 — (Советский век)

ISBN 978-5-00269-369-6

Выдающийся современный исследователь, доктор исторических наук профессор А. А. Штырбул представляет первое в историографии капитальное исследование, посвященное истории зарубежных советских республик. Тема этого труда — таинственная и малоизученная. Но как важен этот опыт в контексте понимания истории нашей страны, истории социалистических идей и новых государственных формаций... Эта книга — о революционном движении, которое прокатилось по Европе, Азии и Латинской Америке на излете Первой мировой войны. Подробное исследование о немецких, венгерской, словацкой, галицийской республиках, о революционном опыте Хорезма и Бухары. О попытках советизации в Индии. О причинах появления и быстрого заката этих республик. Об опыте, который продолжается. О том, что ленинская идея всемирного союза советских республик не была утопией. Книга предназначена для исследователей и педагогов, для студентов, аспирантов и всех, кто интересуется историей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.423
ББК 66.64

ISBN 978-5-00269-369-6

© Штырбул А. А., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Введение	8
Глава 1. На изломе истории. Мир в первой четверти XX века	12
1.1. Кризис империализма и его миропорядка	12
1.2. Мировой революционный кризис и Европейская революционная ситуация	18
1.3. Вопрос о революционной власти и советский общественный идеал за пределами постимперской России	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Штырбул

Анатолий Штырбул

Советские очаги за пределами России

© Штырбул А. А., 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Введение

В обыденном сознании такие термины, как *Советы*, *советское движение*, *советская власть*, *советская республика*, «*Совдения*» – атрибуты исключительно истории России и СССР. Даже в некоторых довольно подробных исследованиях по истории Советов можно не встретить хотя бы упоминания о существовании Советов за пределами Советской России – СССР¹. Однако реальная история богаче исторических стереотипов. В представленном научном исследовании сделана попытка напомнить и показать, что и Советы, и советские республики возникали и существовали не только на территории России и ее национальных окраин, но и в некоторых других регионах мира. Об этом широкому кругу читателей сегодня мало что известно или же неизвестно вообще ничего, а кое-что уже забыто даже историками...

* * *

Факт широкого распространения Советов в зарубежной от России Европе и эпизодического – в других регионах мира невозможно было скрыть, и его не могли проигнорировать даже ярые противники социалистической революции. Конечно, они попытались представить это в известном, выгодном для себя свете, уменьшая, уничижая и извращая значение западных и других нероссийских Советов и советских республик. Но и это уже само по себе весьма показательно.

У некоторых западных социал-демократов, в частности у известного австромарксиста М. Адлера, Советы трактовались как чисто русское или преимущественно русское явление, а возникновение Советов и их борьба за власть на Западе – как следствие подражательности трудящихся в условиях кризиса европейского общества и успехов Советов в России. Элементы подобного подхода можно встретить у таких центристских лидеров западной социал-демократии, как К. Каутский, О. Бауэр, Р. Гильфердинг и др. Так, Каутский, довольно высоко оценивая Советы как в России, так и в Германии, противопоставлял роль, назначение и значение первых и вторых. Признавая с оговорками пригодность Советов для России, он допускал их существование и в Германии, но не как органов власти пролетариата, а как инструмента политической борьбы пролетариата за свои классовые интересы в условиях буржуазного демократического государства. Противопоставление российского и западно-европейского революционного опыта вообще, и в том числе опыта советского движения, с самого начала стало одной из излюбленных тем противников социалистической революции.

Упоминая в своих воспоминаниях о революциях в Европе как международном факторе «Русской смуты», один из лидеров белого движения в России А. И. Деникин утверждал: «...Германия, за ней Венгрия – в силу индивидуальных черт народного характера, особенностей социально-экономического строя и не без влияния наглядных результатов русского опыта, избежали участи, предначертанной судьбою русскому народу»². Подобный подход был довольно широко распространен в лагере российской контрреволюции. По мнению одного из колчаковских политических обозревателей, ярким примером неприятия советской власти (в отличие не только от России, но и от Венгрии) «...могут служить Польша, Чехо-Словакия, не соблазненные большевизмом и предпочитающие обретенную в результате революции национальную независимость подлежащим сомнению благам *немедленного социализма*»³.

¹ См., напр.: *Александрова М.* Советы между прошлым и будущим: исследование-эссе. М., 2002; *Хлыстова Н. А.* Советы как воплощение российской ментальности // *Томск Советский*. Томск, 2003. С. 21–35.

² *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. М., 2005. Кн. 3. Т. 4–5: Вооруженные силы юга России. С. 12.

³ *Сибирский рассвет* (Барнаул). 1919. № 8. С. 123.

У этой линии есть продолжение и в наше время. Подходы сводятся к тому, что Советы – чисто российская (русская, славянская, общинная) форма власти. Подобный подход встречаем сегодня у некоторых российских исследователей либеральной ориентации. Так, Л. И. Семенникова в своем академическом учебном пособии утверждает: «Регионы [бывшей Российской империи], тяготевшие к западному типу развития, не приняли советского выбора» (речь идет о Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве и русской части Польши), причем данный отказ, по мнению автора, был сделан «решительно» и «однозначно»⁴. Что уж тогда говорить о возможности советского выбора в странах зарубежной Европы?

С другой стороны, в официальной советской историографии бытовала (а в 30–50-е гг. XX в. безусловно доминировала) точка зрения, что советская власть (как в России, так и за ее рубежами) без руководства и главенства коммунистов в принципе невозможна. Над остальными левыми просоветскими силами в политике и историографии довлел комплекс превосходства со стороны коммунистов: роль этих сил в Советах либо извращалась и принижалась в сторону революционной неполноценности, а то и контрреволюционности (прямой или скрытой), либо, в «лучшем случае», замалчивалась, а тактике левого блока при изучении революционного, в том числе советского движения, внимания почти не уделялось. Соответственно изучение тех зарубежных Советов и тех зарубежных очагов советской власти, где влияние коммунистов было незначительным или же вообще отсутствовало, становилось нежелательным, а в редких же случаях обращения к этому опыту игнорировалась вся сложность и противоречивость зарубежного советского движения, при этом естественные и вполне нормальные противоречия внутри него часто сглаживались или замалчивались. Тем не менее историческая правда в отношении зарубежного (от России) советского движения пробивала себе дорогу.

В советский период отечественной истории вышел ряд работ (в том числе и просоветских историков иностранного происхождения), где история Советов и советских республик за пределами России стала предметом специального исследования⁵. Среди них особое место занимают работы о Венгерской⁶ и Баварской⁷ советских республиках. Имеется специальное исследование по истории Галицийской социалистической советской республики⁸. Отдельная глава по истории Советской власти в Подкарпатской Руси («Русьской Краине») отведена в фундаментальном исследовании А. Пушкаша «Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945». (М. 2006). Кроме того, вышли несколько работ по истории Бухарской и Хорезмской народных советских республик⁹, событийный материал которых (также, как и материал по советскому

⁴ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учеб. пособие для высших и средних учеб. заведений. Брянск, 1996. С. 306–307.

⁵ Аленин Ф. Г. Советы в германской революции. М., 1934; Реммеле Г. К истории советов в Германии. (Обзор документов о советах в Руре в 1919 г.) // Советское государство (Москва). 1936. № 3. С. 80–91; Петряев К. Д. К вопросу о советском движении в Германии (ноябрь – декабрь 1918 года) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 62. С. 35–82; Он же. Гамбургский совет в германской буржуазной революции 1918 года // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та. Сыктывкар, 1951. Вып. 3. С. 60–86; Kuszuk W. Warszawska rada delegatów robotniczych // Za wolność i lud (W-wa). 1952. № 11. S. 10–11, 17; Биллик В. П. О солдатских советах в германской армии (ноябрь 1918 – июнь 1919 г.) // Ученые записки Великолукского пед. ин-та. 1956. № 2. С. 31–73; Сапожникова Г. А. Бременська Рада робітничих депутатів (з 7 листопада 1918 р. до 4 лютого 1919 р. // Уч. зап. Харків. ун-ту. Харків, 1957. Т. 89. С. 333–358; Калениченко Н. О деятельности Польского временного революционного комитета // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы: сб. ст. М., 1957. С. 147–189; Драбкин Я. С. Рабочий и солдатский Совет Берлина в ноябре – декабре 1918 г. // Новая и новейшая история (Москва). 1958. № 6. С. 27–48; и др.

⁶ Лебов М. Ф. Венгерская советская республика 1919 года. М., 1958; Нежинский Л. Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская советская республика. М., 1989; Пушкаш А. Первая мирная революция. Как родилась и погибла Венгерская Советская республика // Новое время (Москва). 1989. № 15. С. 38–39; и др.

⁷ Вернер П. Баварская советская республика. М., 1924; Гришин М. И. Красная Бавария. Баварская советская республика 1919 г. М.; Л., 1925; Левине Р. Советская республика в Мюнхене: пер. с нем. М., 1926; Застенкер Н. Е. Баварская советская республика. М., 1934; Полтавский М. А. Баварская Советская республика. М., 1959; и др.

⁸ Тишик Б. Е. Галицька Соціалістична Республіка. Львів, 1970.

⁹ Ишанов А. И. Создание Бухарской Народной Советской республики. Ташкент, 1955; Он же. Бухарская Народная Совет-

движению в Финляндии и «русской» части Польши) находится как бы на грани отечественной и зарубежной истории.

В русле исследования революционного опыта стран народной демократии Восточной Европы (в ГДР, Венгрии, Чехословакии) вышел ряд работ (книг и статей) по истории советского движения и советских республик в Германии, Венгрии, и Словакии¹⁰; некоторые из них переведены на русский язык¹¹.

Определенным систематизирующим этапом в исследовании советских государственных очагов за пределами Советской России стал выход нескольких статей по истории соответствующих советских государственных образований в однотомной энциклопедии, посвященной истории Гражданской войны на территории постимперской России¹².

Отдельные главы, отведенные Баварской Советской республике, а также советскому движению в Германии в целом, имеются в ряде работ, посвященных истории Ноябрьской революции в Германии и вообще истории Германии переломного периода 1918 г. – начала 1920-х гг. Прежде всего, это работа Я. С. Драбкина «Революция 1918–1919 гг. в Германии: Краткий очерк». (М., 1958).

Наиболее известной работой англоязычной историографии о Баварской советской республике является монография английского историка А. Митчелла¹³.

В постсоветский период отечественной историографии детальное исследование событий периода Баварской Советской республики связано, прежде всего, с работами А. Ю. Ватлина. Привлекая внимание и оживляя интерес к данным событиям, он одним из первых указал на чрезвычайную социально-политическую сложность и своеобразие германского советского движения (в частности, в Баварии и даже в отдельных ее пунктах и местностях) и попытался эту сложность объяснить. В то же время он показал и закономерность советского движения в Баварии, его естественный, вытекавший из внутренних факторов и предпосылок характер¹⁴. Автор также уделит внимание мифотворчеству вокруг советского движения в Германии, распространенному прежде всего в отечественной советской историографии¹⁵. Вместе с тем А. Ю. Ватлин с сожалением констатирует, что во время 90-летия Баварской советской республики (2009 г.) выяснилось: в Германии, в том числе в Баварии, об этих событиях не вспомнил практически никто, за исключением небольшой группы левых интеллектуалов и, более того, подавляющее большинство населения Германии вообще ничего об этих исторических событиях не знает¹⁶.

ская республика. Ташкент, 1969; *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1959; История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971; *Мамаджанов М. К.* Социально-экономические преобразования и развитие экономики Хорезмской Народной Советской республики. Ташкент, 1974; История Хорезмской Народной Советской республики: сб. док. Ташкент, 1976; *Погорельский И. В.* История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской республики. 1917–1924 гг. Л., 1984.

¹⁰ *Fehér A.* A Magyar Tanácsköztársaság. Budapest, 1954; *Reti L.* Magyar Tanácsköztársaság. Budapest, 1951; *Oldner V.* Slovák Tanácsköztársaság (1919) // A Magyar Tanácsköztársaság hősi küzdelmeiről. Budapest, 1954. 169–241; *Vietor M.* Slovenská Sovietska Republika v r. 1919: Príčiny jej vzniku a jej vplyv na ďalší vývoj robotníckeho hnutia v ČSR. Bratislava, 1955.

¹¹ *Petu Л.* Ленин и Венгерская Советская Республика: пер. с венг. // Вопросы истории (Москва). 1955. № 4. С. 29–36; *Линтман Э.* Венгерская Советская республика: пер. с венг. М., 1970; *Бауэр Р.* К вопросу о роли Советов в ноябрьской революции в Германии: пер. с нем. // Новая и новейшая история (Москва). 1957. № 4. С. 82–95; и др.

¹² Баварская советская республика // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 49; Бременская советская республика // Там же. С. 72–73; Словацкая советская республика // Там же. С. 550; Венгерская советская республика // Там же. С. 89–90; Галицийская социалистическая советская республика // Там же. С. 139–140; Бухарская народная советская республика // Там же. С. 82; Хорезмская народная советская республика // Там же. С. 644.

¹³ *Mitchell A.* Revolution in Bavaria, 1918–1919: The Eisner Regime and the Soviet Republic. Princeton, 1965.

¹⁴ *Ватлин А. Ю.* Штарнбергская Коммуна: Неизвестный эпизод из истории Баварской Советской республики 1919 года // Новая и новейшая история (Москва). 2012. № 2. С. 139–157.

¹⁵ *Ватлин А. Ю.* Советская республика в Баварии: История политических мифов // Новая и новейшая история (Москва). 2013. № 4. С. 32–49.

¹⁶ *Ватлин А. Ю.* Штарнбергская Коммуна... С. 139.

Важным этапом в исследовании данной темы стал выход его оригинальной итоговой монографии о Баварской Советской республике¹⁷.

Памятник борцам революции в городе первого совета – в Иваново.

В последние три десятилетия появился ряд статей, посвященных советскому движению начала 1920-х гг. на севере Ирана и попыткам образования там советских анклавов, при этом авторы данных статей, как правило, делают упор на военное вмешательство и военную помощь со стороны Советской России в тех событиях, заметно меньше уделяя внимание внутренним причинам и факторам развития советского движения в данном регионе¹⁸.

Материалы по истории советского движения и советских республик в зарубежных от России регионах Европы и Азии периода 1918–1923 гг. (главным образом, популярного характера), появляются время от времени в Интернете.

Советское движение 1917–1923 гг. за пределами постимперской России, как целостное явление, до недавнего времени так и не стало самостоятельным предметом обобщающего научного исследования: в преддверии 100-летия данных событий мы впервые попытались хотя бы отчасти восполнить этот пробел¹⁹. Настоящее, второе издание монографии является уточняющим и дополненным вариантом первого.

¹⁷ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. Историческая драма в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М., 2014.

¹⁸ Складов Л. Почему провалилась советская попытка «экспорта» революции в Гилян // Азия и Африка сегодня (Москва), 1997. № 12. С. 44–46; Генис В. Л. Попытка «советизации» Хорасана в 1920 году // Вопросы истории (Москва), 1996. № 5. С. 141–153; Он же. Большевики в Гиляне: Провозглашение Персидской Советской республики // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 64–81; Он же. Красный шантаж: Советская революция в Персии или дипломатический товарообмен? // Родина (Москва). № 5. С. 107–111; Он же. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000; Персиц М. А. Застенчивая интервенция: О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999; Он же. Персидский фронт мировой революции: Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М., 2017; Подкова К. Персидская ССР // Архивы XX века (Москва). 2021. № 3. С. 44–45.

¹⁹ Штырбул А. А. Забытые драмы истории. Советские и советские республики за пределами постимперской России (1917–1923 гг.). Омск, 2018.

Глава 1. На изломе истории. Мир в первой четверти XX века

1.1. Кризис империализма и его миропорядка

Уже в начале Первой мировой войны В. И. Ленин уверенно заявил, что эта война означает величайший исторический кризис и начало новой эпохи в истории человечества²⁰. Ленин был убежден: «На почве всемирного разорения, созданного войной, растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой»²¹. Как показали дальнейшие события, В. И. Ленин, в данном прогнозе оказался прав только лишь отчасти.

Насколько глубоким и масштабным был этот кризис в действительности? Каким он является с точки зрения глобальной конфликтологии? Глобальным системным кризисом, затронувшим все без изъятия стороны капитализма как общественно-экономической формации, или же только лишь кризисом структурным, этапным, то есть затрагивающим на переживаемом этапе лишь отдельные структуры, элементы, звенья системы? Споры об этом в разных плоскостях, прямо или в связи с разными историческими проблемами ведутся вот уже сто лет. В. И. Ленин придерживался первого подхода. Он довольно аргументированно изложил свою позицию в учении об империализме как кануне краха капитализма и начала социалистических революций:

«Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению.

Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие

²⁰ Ленин В. И. Мертвый шовинизм и живой социализм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 103.

²¹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 306–307.

рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»²².

И далее: «...Развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему „царит“ и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются „гениям“ финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам»²³.

По мнению Ленина, именно поэтому империализм являлся паразитическим, загнивающим и умирающим капитализмом, последней его стадией и кануном перехода к новому, социалистическому обществу. «Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать как переходный или, вернее, умирающий капитализм»²⁴. В начале 1920 г. в предисловии к новому переизданию работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанной в первой половине 1916 г., Ленин подтвердил свой вывод, выдержавший, как он считал, испытание временем: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года во всемирном масштабе»²⁵. Теперь, по прошествии столетия, окончательно ясно, что В. И. Ленин несколько преувеличил степень истощенности капитализма в целом и степень загнивания его второго (и последнего, как он полагал) этапа – империализма.

Да, к началу мирового революционного кризиса 1917–1923 гг. капитализм уже достаточно показал свою антигуманную сущность и определенную историческую бесперспективность. Но исчерпал ли он себя как общественно-экономический строй или, выражаясь марксистскими категориями, как общественно-экономическая формация? К глубокому сожалению большевиков (коммунистов) и левых социалистов, в данном вопросе во многом правы оказались не они, а русские меньшевики и зарубежные умеренные социалисты.

В этом-то и было одно из главных противоречий ситуации: с одной стороны, явная дальнейшая бесперспективность и грядущая конечность капитализма, с другой – еще далеко не полная истощенность его внутренних социально-экономических, политических и морально-психологических возможностей. Представляется, что на вопрос о том, каким был кризис капитализма первой четверти XX в. и, особенно, в 1917–1923 гг., – системным или структурным, – правильное, наверное, ответить так: все-таки *структурным*, но *со значительными элементами системного*.

Данное обстоятельство особенно видно сегодня, с высоты времени начала XXI века, после того, как судьбу первых советских республик в Европе (Баварии, Бремена, Венгрии, Словакии и других) разделил (спустя 70 лет и, несмотря на несомненные исторические успехи) могучий Советский Союз, страны народной демократии в Восточной Европе после 40 лет социализма, а также и большинство стран так называемой социалистической ориентации, существовавших в 1960-х – 1980-х гг. в разных концах мира.

Дальнейшее развитие мира на протяжении всего XX в. и далее показало, что потенциалы и ресурсы капитализма не были полностью исчерпаны на второй, действительно критической его стадии, а сам капитализм сумел извлечь уроки и приспособиться к новым условиям, проявив довольно высокие адаптационные способности. Ряд обществоведов (В. Миронов и др.) в дополнение к двум первым выделяют новые исторические стадии капитализма, определяемые разными фазами в развитии технологии общественного производства, и вся история капитализма на сегодня стадийно выглядит пока так:

²² Там же. С. 320–321.

²³ Там же. С. 322.

²⁴ Там же. С. 424.

²⁵ Там же. С. 308.

- капитализм свободной конкуренции (до 70-х гг. XIX в., соответствует мануфактурной стадии);
- монополистический капитализм, или империализм (70-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в., соответствует машинной стадии);
- государственно-монополистический капитализм (20–70-е гг. XX в., соответствует конвейерной стадии);
- «неокапитализм», именуемый иногда также «народным капитализмом» (70–90-е гг. XX в., соответствует стадии всесторонней автоматизации производства);
- постиндустриализм (начало XXI в., соответствует стадии информационных технологий).

При этом капитализм, несмотря на некоторые свои заметные социально-экономические изменения, так и не потерял своей глубинной эксплуататорской сущности как внутри капиталистических государств, так и на международной арене, хотя и сумел несколько смягчить эту сущность для отдельных стран и народов или для отдельных категорий населения внутри ряда стран, в том числе и для отдельных категорий трудящихся.

В. И. Ленин ошибся в трактовке империализма как последней стадии капитализма, но он оказался прав в главном: империализм окончательно выявил свою глубинную эксплуататорскую и агрессивную сущность и «невольн» подготовил реальные объективные условия для социалистических революций.

Одновременно Ленин сделал важный вывод о неравномерности развития и об империалистических противоречиях, которые пролетариат мог использовать в своих целях. Отсюда следовал вывод о возможности победы социализма первоначально в одной или нескольких немногих странах, оказавшихся, по выражению Ленина, «слабым звеном в цепи империализма». Эту идею по-своему выразил и К. Каутский, чем косвенно поддержал позицию Ленина: «Революции происходят не там, где должны, а там, где могут»²⁶.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма, – пояснял В. И. Ленин. – Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором победит пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами»²⁷.

* * *

Как представлял Ленин существование таких стран или отдельной социалистической страны (типа Коммуны, Рабочей республики, республики Советов) во вражеском окружении? По его научному предвидению, социалистическую революцию как в одной стране, так и в международном масштабе «...нельзя рассматривать как один акт, а следует рассматривать

²⁶ Приводится по: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии: пер. с фр. М., 1998. С. 110.

²⁷ *Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354–355.

как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций»²⁸.

Каковы были перспективы у победившей революции в отдельно взятой стране (или в ряде отдельных немногих стран)? Ленин сделал важный вывод о том, что объективные реалии империализма давали возможность использовать международные противоречия между империалистическими странами, а продолжение мирового революционного процесса в этих условиях давало возможность дальнейшего отпадения от мировой системы империализма новых и новых стран и народов:

«Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, – пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства»²⁹.

Таким образом, В. И. Ленин на несколько десятилетий вперед, а возможно, и на несколько столетий, предсказал на основе диалектического видения мирового революционного процесса картину перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе. Именно «по Ленину» развивался мировой революционный процесс после 1917 г. вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. И, хотя в начале 1990-х гг. Мировая система социализма (практическое воплощение идеи «Соединенных Штатов мира» в ее конкретном историческом преломлении) потерпела серьезное поражение, значительно уменьшившись и потеряв свое ядро – СССР и свое бывшее значение, тем не менее идею «Соединенных Штатов мира», как и Мировую систему социализма, видимо, еще рано сдавать в архив.

В. И. Ленин оказался в целом прав в том, что империализм объективно является кануном социалистических революций и что именно при империализме появляется необходимый набор объективных и субъективных предпосылок, дающих возможность трудящимся взять власть всерьез и надолго – первоначально в нескольких немногих странах или даже в одной отдельно взятой стране.

Именно глобальный международный кризис, связанный с обострением противоречий империализма и с последовавшей Мировой войной, создавал для трудящихся перспективы начать расчет с капитализмом и вообще с эксплуататорским обществом. Ленин считал, что ситуацией нужно воспользоваться. Ему противостояли оппортунисты, в том числе, в условиях войны, оборонцы. У всех была своя правда. Оппортунисты, кроме того, что были социал-соглашателями, опасались, видимо, ещё больших общественных потрясений при неясной социально-политической перспективе. Боялись поражения, подобного поражению Парижской Коммуны, что вновь могло поставить социалистическое движение под жестокий разгром и отбросить далеко назад. Но и никакого выхода из тяжелейшего международного кризиса предложить они не могли. Ленин предложил.

Но специфика ленинизма была еще и в том, что он оформился в стране среднеразвитой, заметно отстававшей по ряду показателей от наиболее развитых в это время капиталистических стран. Часть социал-демократов более развитых стран резонно смотрела на программу Ленина и большевиков с известным скептицизмом, большим или меньшим.

Ситуация стала меняться именно в ходе страшной и неведомой дотоле в истории человечества войны, разразившейся почти внезапно, хотя ее уже давно предсказывали и со страхом ожидали. С началом этой войны в мире сложилась, выражаясь более поздними категориями, новая историческая парадигма. Не случайно марксистские, социал-демократические силы с началом Первой мировой войны оказались в некоторой растерянности. Логическим продолжением и развитием оппортунизма в международном социалистическом движении, объединен-

²⁸ Там же. С. 352.

²⁹ Там же. С. 354.

ном в рамках II Интернационала, стало оборончество ряда социал-демократических лидеров как отражение оборонческих настроений в определенных слоях трудящихся и в социал-демократических партиях. Стойкую интернационалистическую классовую позицию сумели сохранить лишь партия большевиков (существовала фактически с 1912 г., хотя большевистское крыло единой РСДРП оформилось ранее, в 1903 г.), левое крыло Итальянской социалистической партии (ИСП), значительная часть Болгарской социал-демократической рабочей партии (тесных социалистов) и, кроме того, небольшие, как правило, маловлиятельные группы других социал-демократических партий.

Еще в начале XX в. в ответ на прогрессирующий оппортунизм лидеров II Интернационала в большинстве социал-демократических и социалистических партий Европы и Америки происходили процессы образования левой оппозиции и формирования левых «крыльев» этих партий. В ряде случаев в рамках этих партий сложился союз левых и левоцентристов (Россия, Италия, Болгария), в других – левые оказывались в меньшинстве (Германия, Австро-Венгрия, Англия, Франция). При этом в РСДРП в начале 1910-х гг. появилась тенденция к выделению левых в самостоятельную (и при этом довольно влиятельную) политическую партию.

В итоге возник ряд левых и левоцентристских революционных марксистских партий: РСДРП (большевиков и меньшевиков-партийцев), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП), Болгарская социал-демократическая рабочая партия (тесных социалистов), Ирландская социалистическая республиканская партия (ИСПР) и, с оговорками, Итальянская социалистическая партия (ИСП). Эти партии реально ориентировались на установление в результате революции (сразу или поэтапно) социалистической республики и, с разными оговорками, диктатуры пролетариата как временного политического режима для социалистического переходного периода к коммунизму.

Другим вариантом реакции на оппортунизм официальных рабочих партий стало формирование революционных синдикалистских (в том числе анархо-синдикалистских), а также анархистских организаций в Испании, Франции, Италии, Швеции, США, Аргентине, Мексике, Бразилии, выступающих за антикапиталистическую революцию и безгосударственное общество трудящихся, объединенных в профсоюзы-синдикаты.

Кроме того, в ряде стран и регионов (Россия, Болгария, Хорватия, Венгрия, Китай) возникли левые революционно-демократические (народнические и неонароднические) крестьянские и мелкобуржуазные партии, в целом признающие умеренный революционный путь и мечтающие о крестьянском и подобном трудовом социализме.

Разразившаяся Мировая война затянулась на четыре года и три с половиной месяца. Она ввергла мир в пучину горя, страданий и жертв. В войну оказались втянуты 34 государства (из 59), население которых вместе с колониями составило около 1,5 миллиарда человек, или 67 % населения Земли³⁰. Жертвы и разрушения оказались чудовищными в сравнении даже с самыми кровопролитными войнами прошлого – наполеоновскими, которые за 15 лет унесли более 1 миллиона жизней. Первая мировая война за 4 с половиной года унесла, по разным данным, от 20 до 30 миллионов, при этом значительно увеличился процент жертв среди мирных жителей.

В воюющих странах в армию были призваны в общей сложности десятки миллионов человек, прежде всего рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигентов, мелких предпринимателей. Среди них оказалось немало левых социалистов и левых социал-демократов, анархо-синдикалистов и анархистов, революционных демократов, беспартийных левых, которые были убежденными противниками капитализма и мечтали – каждое течение, конечно, по-своему – о новом справедливом обществе трудящихся. Но, несмотря на некоторые, порой довольно серьезные разногласия по вопросу общественного идеала, все они оказались объединенными

³⁰ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма (90-е гг. XX в. – март 1917 г.). М., 1959. С. 415.

общей ближайшей целью устранения капитализма. И все они мечтали изменить мир к лучшему.

Получив в руки оружие и встав перед выбором – погибнуть в несправедливой империалистической войне или же попытаться превратить эту войну в гражданскую с перспективой завоевания власти, – многие из них выбрали последнее, решив, что настало, наконец, самое время раз и навсегда свести счеты с капитализмом и вообще с социальной несправедливостью.

В этом случае перед всеми ними неизбежно должен был встать вопрос о власти как в целом (взятие ее в свои руки), так и конкретно о способе осуществления и о форме этой власти.

1.2. Мировой революционный кризис и Европейская революционная ситуация

Первая мировая война 1914–1918 гг. неизбежно обострила все болезни империалистического общества и подвела мир к общему, глобальному кризису империализма. Уже в начале войны последовали кардинальные изменения на денежном рынке и в мировой торговле. Экономика воюющих стран стала работать по чрезвычайным законам войны, что означало прежде всего кардинальное перераспределение финансовых средств и ресурсов этих стран на военные нужды (порядка 90 % всех средств и ресурсов), что в обиходе выражалось в формуле и лозунге «все для фронта, все для победы». Для подавляющего большинства населения воюющих стран – гражданских лиц, занятых в экономической сфере, не говоря уже о военнотружениках действующих армий, – все это на практике означало резкое ухудшение их жизненных условий.

Вся сложная система мировых расчетов и финансовых потоков пришла в расстройство, механизмы рынка – эмиссионный, денежный, биржевой – перестали правильно функционировать. До войны существовала де-факто мировая денежная система, основанная на золотом стандарте. С разрывом связей все расчеты между воюющими странами, естественно, прекратились. Биржи повсеместно закрылись чтобы избежать биржевых катастроф. Вновь они были открыты в Нью-Йорке в ноябре 1914 г., в Париже в декабре 1914 г., в Лондоне в январе 1915 г. Естественно, обострилось положение в сфере кредита, началась утечка золота из Европы в США и из воюющих стран в нейтральные. Резко подскочили цены на многие виды продукции и сырья. Началась перестройка промышленности на военный лад. Кризисные явления (расстройство кредита, падение объемов производства, сокращение внешней торговли и т. п.) проявились не только в воюющих, но и в невоюющих странах, причем в последних даже резче (поскольку в воюющих странах начала создаваться мобилизационная экономика, а в нейтральных расстройство привычных экономических связей таковой не компенсировалось)³¹.

Война сильно повысила роль государственного регулирования в экономике, дав тот опыт, который потом был использован для формирования нового типа капиталистического хозяйства. Мир-системных изменений во время и после войны было множество, и одно из главных – резкое изменение соотношения экономических и политических сил в мире. США превратились из должника в кредитора, завладели многими активами, которые раньше принадлежали европейским владельцам, а бывшие ведущие финансовые и промышленные лидеры – Англия, Германия, Франция – ослабли, превратились в нетто-должников. Ситуацию для них усугубил отказ России от долгов. Их золотой запас значительно уменьшился. Временно активизировались экономики среднеразвитых и слаборазвитых стран и регионов (Канады, Японии, Китая, Латинской Америки, Индии и др.). Это дополнительно усугубило послевоенную экономическую ситуацию, так как в мирное время товары этих стран конкурировать с американскими и европейскими не могли. Распалась Австро-Венгерская и, частично, Российская империи, образовался целый ряд новых стран в Европе, что усилило валютный кризис и протекционизм. Вышла из Мировой системы Россия, что временно закрыло для Европы русский зерновой рынок. Кроме того, война поставила некоторые новые задачи по регулированию международных отношений, а также по регулированию сложившихся в результате поражений Четверного союза и военных долгов финансовых отношений³². В этих условиях рост мирового революционного движения был закономерен, неизбежен и стремителен.

³¹ Гринин Л. Е., Коротчаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: От Ликурга до Алана Гринспена. М., 2010. С. 113.

³² Там же. С. 113, 114.

Как в России, так и во всем мире в 1917–1923 гг., в течение семи лет, происходили события, которые во всей своей совокупности несли признаки мировой революции. Это была, в известном смысле, грандиозная антикапиталистическая революция, в которой разные общественные и национальные группы преследовали свои конкретные социальные, экономические и политические цели, часто различные, но объединяло их одно: неприятие того мирового порядка, который господствовал в мире на протяжении столетий. О наличии мирового революционного кризиса, и особо, Европейской революционной ситуации, свидетельствовал небывалый доселе количественный и качественный подъем революционного движения в мире, и прежде всего в цитадели капитализма – Европе.

В 1917–1923 гг. мощное забастовочное движение охватило большинство стран Европы. Следующим качественным показателем революционного движения стало нарастание массовых вооруженных форм борьбы. Волнения в войсках воюющих стран, переросшие в вооруженные восстания, произошли в 1917–1918 гг. в Австро-Венгрии, Германии, Италии, Франции, Румынии, Болгарии. Национально-освободительное движение в вооруженных формах имело место в Ирландии, Польше (Силезия), Восточной Галиции, Албании, Хорватии, Словении. Буржуазно-демократические революции, сопровождавшиеся массовыми движениями в сочетании с вооруженными выступлениями, произошли в Австро-Венгрии (на территориях Австрии, Венгрии, Трансильвании, Словении, Хорватии) и Германии. Гражданские войны по преимуществу социально-политическому принципу полыхнули в Финляндии (1918) и Ирландии (1922–1923); симптомы и элементы гражданской войны имели место в Германии, Венгрии и Словакии в 1919 г., в Италии в 1917 г. (августовское восстание в Турине) и в 1921–1922 гг. (антифашистское вооруженное сопротивление в ряде районов страны), в Болгарии (антифашистские восстания в июне и сентябре 1923 г.), в Испании (крестьянское движение с элементами восстания в Андалусии в 1918–1919 гг.), в Албании (крестьянское восстание 1922 г.).

Любопытно, что с иных идейных позиций и в связи с другой научной проблемой европейские революционные события 1917–1923 гг. рассматриваются западногерманским буржуазным историком Эрнстом Нольте как часть «Великой Европейской гражданской войны 1917–1945 гг.», – войны между интернациональным социализмом и буржуазным национализмом³³.

Не лучшим образом для капитализма обстояли дела и в других регионах мира: небывалый подъем забастовочного движения в США, Канаде, ряде стран Латинской Америки, Японии; рабочее восстание в Бразилии (в промышленном районе Рио-де-Жанейро, ноябрь 1918 г.), январская (1919) «трагическая неделя» в Аргентине, народное восстание в Мексике против президента Каррансы и его свержение (1920), крестьянское восстание в Аргентине (1921 г.), восстание сельскохозяйственных рабочих в Перу (1921 г.), массовые «рисовые бунты» горожан и крестьян в Японии (1918 г.), «красный мятеж» горняков в ЮАС (Трансвааль, 1922 г.); национально-освободительные революции в Турции (1919–1922) и Монголии (1921–1922), аналогичные им движения в Индии, Китае, Индокитае, Иране, Индонезии, Корее, Египте, причем практически везде с применением в том или ином объеме вооруженных форм борьбы; национально-освободительные войны и восстания в Афганистане, Аравии, Ираке, Сирии, Ливане, Марокко. Ко всему перечисленному можно также добавить волнения и восстания «колониальных рабов» на плантациях в разных концах колониального мира.

Исторический опыт показывает, что только при высоком, серьезном и качественном уровне революционного движения можно ставить вопрос о революции как таковой и, как следствие, вопрос о смене власти, в данном случае – об установлении революционной власти трудящихся. И такой уровень движения в 1917–1923 гг., наряду с территорией постимперской России, объективно имел место в ряде стран Европы, а также и в некоторых других странах мира.

³³ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945): Национал-социализм и большевизм: пер. с нем. М., 2003.

Конечно же, далеко не все из вышеперечисленных революционных (антикапиталистических и антиколониальных) движений имели отношение к революционному марксистскому проекту (к пролетарской революции марксистского типа и диктатуре пролетариата), даже в Европе, и тем более в других регионах мира. Антиимпериалистическое движение могли возглавлять и возглавляли (в зависимости от конкретных политических условий и исторических традиций в разных регионах мира) коммунисты, левые социалисты, левые социал-демократы, мелкобуржуазные (прежде всего крестьянские) революционные демократы, анархисты, анархосиндикалисты, левые буржуазные радикалы (левые либералы, левая часть национальных демократов) и даже, в ряде случаев (Афганистан, Аравия, Ирак, Сирия, Марокко), патриотически настроенная феодальная и племенная элита.

Однако, несмотря на различия в социально-политическом содержании этих движений, все они имели одну ближайшую общую цель – сопротивление империалистическому мировому порядку³⁴, и все вместе в целом создавали тот общий, дестабилизирующий систему империализма фон, на котором часть участников данных движений (прежде всего в Европе) могла, вслед за Россией, поставить вопрос о власти по-марксистски, в том числе и вопрос о власти Советов как форме диктатуры пролетариата (вариант – диктатуры трудящихся). К этому следует добавить, что в Европе и в некоторых других регионах коммунисты, левые социалисты, левые социал-демократы, анархисты, иногда левые либералы в рассматриваемый период действовали в левом блоке (или единым революционным фронтом), не всегда организационно оформленном, но вполне реальном.

Насколько жизненным в этом общем многообразном мировом революционном потоке являлся марксистский революционный проект и связанное с ним в тот момент *советское движение*? И насколько жизненными они были именно за пределами России?

³⁴ В этом отношении все данные движения являлись своеобразным историческим предшественником современного антиглобализма или даже первым, еще неосознанным и разрозненным «антиглобалистским» движением в истории человечества.

1.3. Вопрос о революционной власти и советский общественный идеал за пределами постимперской России

Главным вопросом всякой революции, в том числе и социалистической, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, является вопрос о власти. Революция (любая, а не только социалистическая) для того и происходит, чтобы сменить или, по крайней мере, скорректировать существующую власть. При этом, как свидетельствует опыт истории, *революционная смена власти не обязательно должна носить вооруженный и кровопролитный характер*.

Какой должна быть эта власть? Какие органы должны ее осуществлять? Что, если задуманное революционерами с первых дней осуществления ими власти начинает давать сбои, и далеко не все, прописанное в партийных программах, удается осуществить сразу или даже не сразу? В общем, перед революционерами встает задача, образно сформулированная в романе (и даже в самом его названии) Александра Бека «На другой день».

Первым органом и первой же формой власти рабочего класса признается, как известно, Парижская Коммуна, если, конечно, не считать ее предшественника – Центральный комитет Национальной гвардии – своеобразный военно-революционный комитет, находившийся у власти 10 дней, с 18 по 28 марта 1871 г., обеспечивший выборы в Коммуну и передавший ей власть, которую Коммуна и удерживала до 26 мая 1871 г. Ряд историков считает, что Центральный комитет Национальной гвардии в условиях военного времени и фактической блокады Парижа пруссаками и контрреволюционерами-версальцами несколько поторопился с передачей власти Коммуне, но восставшим парижанам, как бы на них не клеветали, была важна максимальная в тех непростых условиях легитимность.

Второй формой власти рабочих или диктатуры пролетариата в советском и, вообще, в марксистском обществоведении традиционно считалась Советская власть (третьей – Народная демократия). Однако это не совсем верно. Между Парижской Коммуной и Советской властью имелась промежуточная и переходная форма (в основном на уровне концепции и отдельных попыток ее реализации), сочетавшая в себе черты как предшествующей, так и последующей форм – Рабочая республика.

Идея рабочей республики как формы власти рабочего класса в начале XX в. получила распространение в Ирландии, Финляндии, Бразилии, отчасти в Италии. Ее наиболее известные сторонники и проводники в разных вариациях – А. Л. Парвус (Гельфанд), ранний Л. Д. Троцкий, лидер ирландских социалистов Дж. Конноли, финские социал-демократы, бразильские и некоторые итальянские анархо-синдикалисты. Однако довольно скоро стало ясно, что эта идея изначально сужает социальную базу революции и будущего государства трудящихся, в той или иной мере отталкивая, а то и отсекая средние трудовые слои города и деревни.

Критикуя весной 1905 г. позицию А. Л. Парвуса, состоящую в том, что в результате возможной победы демократической революции в России у власти окажется «правительство рабочей демократии» (что, по мнению Парвуса, будет тождественно правительству рабочих под руководством РСДРП), В. И. Ленин доказывал: «Этого не может быть, потому что скольконибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты»³⁵. Данный вывод имел большое значение в связи с тем, что во многих странах (в том числе и в некоторых европейских) в то время наблюдалась

³⁵ Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 18.

похожая социальная картина. И вот вскоре, в мае – октябре 1905 г. российская революционная практика вызвала к жизни и первые органы будущего временного революционного правительства – Советы³⁶.

В понимании российских большевиков Советы, хотя и сводились в конечном счете к диктатуре пролетариата, тем не менее допускали и переходные формы власти трудящихся (*революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*), что делало их более гибкими по отношению к трудовым средним слоям города и деревни. Не случайно в Италии, Ирландии, Финляндии, Бразилии в 1917–1918 гг. имела место определенная эволюция взглядов революционеров от идеала «рабочей республики» в направлении власти Советов. Советы как форма власти в ряде случаев сумели со временем проявить себя даже там, где стояла задача национального освобождения, – в этом случае они стали на первых этапах движения органами революционной национально-демократической власти (Гилян, Хива [Хорезм], Бухара).

Значение концепции Рабочей республики и попыток ее реализации (Пасхальное восстание в Ирландии в 1916 г., рабочая революция в Финляндии (1918 г.), ноябрьское восстание 1918 г. в Бразилии, Лабинская республика 1921 г. в оккупированной Италией Истрии) состояло в том, что эта форма власти явилась своеобразным переходным этапом и в то же время связующим звеном между Парижской Коммуной и властью Советов.

Параллельно в ряде аграрных и аграрно-индустриальных стран и территорий (Болгарии, Хорватии, Сербии, польских землях, Китае, отчасти в России и Венгрии) развивалась концепция «трудовой» или «крестьянской» республики. В этих регионах аграрное движение было относительно оформленным, имелись авторитетные крестьянские организации – крестьянские союзы и даже крестьянские партии. Реальные попытки создания трудовых или крестьянских республик в 1917–1920 гг. были спонтанно предприняты в Болгарии (Радомирская республика), на юге Польши (Тарнобжегская и Пинчовская республики), в югославянских Воеводине и Славонии, в ряде местностей России. Идею «трудовой республики» в России особенно активно отстаивали социалисты-революционеры максималисты.

* * *

Новую форму власти трудящихся – Советы – выдвинула Первая российская революция в 1905 г. И, хотя первые Советы в России возникли именно как Советы *рабочих* депутатов, фактически с самого начала они заявили о себе как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата, крестьянства и средних трудовых слоев города.

Весной 1905 г. на фоне значительного роста стачечного движения (в январе 1905 г. бастовало 444 тысячи человек – столько же, сколько за предшествующие 10 лет, а всего за январь–март – 810 тысяч) стали рождаться первые Советы рабочих депутатов. Они возникали, вырастая из объединенных стачечных комитетов, функционально перерастая их рамки, т. е. расширяя свои полномочия и функции за пределы полномочий и функций стачечных комитетов. Это был уже новый уровень пролетарской самоорганизации в сравнении со стачечными комитетами. Такое превращение могло происходить и происходило только при дружной поддержке трудовых коллективов и только на фоне их стачечной (экономической и политической) борьбы.

Первым стачечным комитетом, начавшим превращаться в Совет как орган власти трудящихся, стало Собрание рабочих депутатов Алапаевского завода и Алапаевских рудников Урала (март 1905 г.) – орган, состоявший из 33 депутатов во главе с большевиком Г. Г. Ветлугиным. В конце апреля на Урале же возник Надеждинский Совет уполномоченных от рабочих, просуществовавший до осени 1905 г. Функции этих двух органов уже заметно выходили

³⁶ О первых российских Советах подробнее см. далее.

за рамки функций стачечных комитетов³⁷. Важнейшим шагом в этом направлении стало 72-дневное (с 13 мая по 19 июля 1905 г.) существование и деятельность Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов (Совета уполномоченных депутатов от рабочих), возникшего в ходе всеобщей забастовки предприятий города и примыкающего к нему района.

В Иваново-Вознесенской стачке участвовало около 70 тысяч рабочих всего промышленного района. Политическое руководство всеобщей городской стачкой осуществлял Северный комитет РСДРП, во главе которого стояли большевики Ф. Афанасьев, Е. Дунаев и Ф. Самойлов. Активное участие в руководстве стачкой принимал М. В. Фрунзе. В ходе стачки был избран совет уполномоченных (сначала фактически – стачечный комитет), который в процессе развития борьбы и политической ситуации перерос соответствующие рамки и превратился в первый в России Совет рабочих депутатов³⁸. В результате выборов депутатов-уполномоченных в Совет вошел 151 депутат, среди которых были 57 большевиков, небольшая группа эсеров и преобладающая группа революционно настроенных беспартийных. В Совет вошли 25 женщин³⁹.

Периодом массового возникновения Советов рабочих депутатов стала осень 1905 г., когда революция вступила в период своего высшего подъема и ее силы на время уравнились с силами реакции. В ходе Всероссийской октябрьской политической стачки 13 октября 1905 г. возник Петербургский Совет рабочих депутатов. В октябре образовались также Советы рабочих депутатов (их названия становятся теперь единообразными) в Воронеже, Екатеринославе, Киеве, Луганске, Нижнем Тагиле, Перми. Процесс продолжался и далее. В ноябре были созданы Бакинский, Белостокский, Екатеринбургский, Иркутский, Николаевский, Одесский, Орехово-Зуевский, Ревельский, Ростовский, Самарский, Севастопольский, Смоленский, Тверской, Читинский Советы. 21 ноября состоялось первое заседание Совета в Москве. В декабре начали действовать Советы в Вятке, Красноярске, Либаве, Мариуполе, Новороссийске, Саратове, Таганроге, Уфе, Юзовке. Кроме того, Советы существовали в ряде рабочих поселков, сложившихся вокруг крупных предприятий (Коломна, Люберцы, Мытищи, Сормово и др.). Всего в октябре – декабре 1905 г. Советы рабочих депутатов возникли в более чем 50 городах и рабочих поселках страны⁴⁰.

В 1905 г. было создано в общей сложности 36 общегородских Советов, 8 фабрично-заводских, 4 Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1 – крестьянских депутатов (Новинская волость Тверской губ.), 1 – рабочих и солдатских депутатов (Красноярск), 1 – солдатских депутатов (Москва), 1 – солдатских и казачьих депутатов (Чита)⁴¹. Из 55 Советов, реально существовавших и действовавших в 1905 г., в 44 преобладали большевики, в 10 – меньшевики и в 1 – эсеры⁴².

Близки к Советам по своим функциям были некоторые другие демократические органы трудящихся, возникшие в период высшего подъема революции: железнодорожные стачечные комитеты, крестьянские революционные комитеты и другие. В Грузии и Армении, где не было Советов, стачечные и крестьянские комитеты выполняли самые различные функции, во многом аналогичные тем, которые осуществляли Советы. В Сибири к Советам по своим функциям были близки железнодорожные Смешанные комитеты по перевозкам. В перспективе подобные органы могли трансформироваться в Советы, но спад революции и ее поражение воспрепятствовали этому. В Латвии аналогом Советов являлись Распорядительные комитеты.

³⁷ Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 389.

³⁸ Первый Совет рабочих депутатов: Время, события, люди. Иваново-Вознесенск. М., 1985. С. 80, 90–91, 93–102.

³⁹ Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. С. 390.

⁴⁰ Там же. С. 392.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 401.

С разгромом Декабрьского вооруженного восстания все Советы прекратили свое существование (последний – в Чите 23 января 1906 г. с вступлением в город карательных войск).

Превращение первых Советов в органы революционной власти в 1905 г. выразилось в следующем:

- революционное отрицание власти правительственных органов и фактическое устранение их от управления, т. е. осуществление реальных шагов в направлении слома старой эксплуататорской государственной машины;
- сосредоточение в руках Советов основных функций управления;
- опора на собственные вооруженные силы, созданные в ходе революции, – отряды дружинников и народную милицию, а в отдельных случаях – и на части царской армии, перешедшие на сторону восставших;
- упразднение старых судебных органов и создание народного суда;
- установление революционным путем 8-часового рабочего дня⁴³.

В июле 1906 г., после разгона Первой государственной думы, Партия социалистов-революционеров обратилась с призывом к трудящимся начать выборы в Советы рабочих депутатов, однако РСДРП (как меньшевики, так и большевики) выступила против, мотивируя это тем, что для возникновения реальных Советов и их успешного функционирования нужен мощный революционный подъем, которого в данный момент в достаточной мере нет. Тем не менее в июле 1906 г. возникли 7 Советов, которые, однако, вскоре прекратили свое существование⁴⁴.

Уроки первых Советов и их основные черты в дальнейшем:

- возникают на фоне мощного революционного (и рабочего забастовочного как его стержня) движения, вырастая из органов его руководства и на определенном этапе перерастая рамки стачкомов;
- трудовой принцип формирования: депутатами в Советы избираются только трудовые элементы как представители разных слоев трудящихся (рабочих, крестьян, ремесленников, низших служащих, трудовой интеллигенции, солдат и унтер-офицеров);
- производственный (коллективно-трудовой) принцип делегирования депутатов, т. е. от трудовых коллективов и воинских частей;
- полная отчетность депутатов перед избирателями;
- безусловное право оперативного отзыва депутатов, не оправдавших доверие избирателей;
- черты коммунизма (сочетание функций органов государственной власти и негосударственных органов общественного самоуправления).

В 1917 г., после победы Февральской демократической революции, Советы в России в целом удачно выполнили роль органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и под влиянием завоевавших в них большинство левых депутатов, прежде всего большевиков, осенью 1917 г. стали превращаться в органы социалистической диктатуры пролетариата и трудового крестьянства, хотя уже в конце 1918 – начале 1919 гг. стала проявлять себя и постепенно нарастать новая и тревожная тенденция превращения Советов в декорацию однопартийной диктатуры РКП(б).

⁴³ Алуф И. Проблемы революционной власти // Революция 1905–1907 гг. в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 126–127; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 – февраль 1917). М., 1975. С. 276.

⁴⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 206, 207; Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. С. 404.

* * *

Показателем определенной зрелости части участников мирового революционного движения в вопросе о власти в 1917–1923 гг. стало распространение советских настроений, образование Советов, развитие советского движения и, наконец, попытки Советов ряда стран и территорий Европы, а затем и некоторых других регионов мира, взять власть в свои руки. Первым этапом данного процесса стало то, что на фоне нарастающего мирового политического кризиса и под влиянием революционных событий в России, в разных регионах мира стали проявляться и нарастать советские настроения, идеи и планы.

В Англии еще летом 1917 г. конференция рабочих и социалистических организаций в Лидсе прошла под лозунгом «Следуйте примеру России»; в своих решениях она прямо призвала к образованию рабочих и солдатских Советов⁴⁵. В конце августа 1917 г. в итальянском Турине всеобщая политическая забастовка переросла в восстание, подавленное только на пятый день борьбы. Более 500 рабочих было убито, свыше 2 тысяч ранено, многие арестованы и посланы на фронт. Один из лозунгов этих событий: «Сделаем как в России!»⁴⁶. В ходе подъема революционного движения в Испании 1917–1919 гг. в отдельных случаях возникали лозунги создания Советов, исходившие, как правило, от анархо-синдикалистов⁴⁷. Конечно, испанские анархо-синдикалисты вкладывали в советскую идею свое содержание, несколько отличное от радикально-марксистского. Популярной становилась идея Советов во Франции. В газете французских социалистов «L'Humanite» от 18 ноября 1917 г. в статье «Добро пожаловать, Советы!», в частности, говорилось: «Русская Революция со своими Советами дала ответ на все вопросы, решение которых без нее по меньшей мере было бы затруднено. Это решение всех трудностей, на которые мы наталкиваемся»⁴⁸. В конце 1917 г. требование перехода всей власти в руки Советов в Норвегии выдвинули местные левые социал-демократы⁴⁹. В 1918 г. один из лидеров ИСП А. Бордига начал издавать в Неаполе еженедельник под названием «Il Soviet»⁵⁰. В январе 1918 г. в рукописной листовке «Правда. Вестник солдатских, рабочих и крестьянских революционных Советов в Болгарии (созданных наподобие русских)» солдаты, крестьяне и рабочие призывались: «Идите к нам, присоединяйтесь и укрепляйте существующие и уже действующие у нас солдатско-рабочие Советы, чтобы силою оружия раз и навсегда покончить с войной и ее виновниками – капиталистами»⁵¹. Следует лишь уточнить, что под именем Советов в Болгарии в это время действовали не зачаточные органы власти, а отдельные подпольные революционные организации.

Широкая агитация за Советы велась левыми социал-демократами и леворадикалами в Австро-Венгерской империи в 1917–1918 г., вплоть до свержения монархии и краха империи в октябре 1918 г., а затем коммунистами и другими левыми практически во всех странах, образовавшихся на развалинах империи: в Австрии, Венгрии, Чехословакии, Западно-Украинской народной республике, польских и югославянских землях, вошедших в состав новых

⁴⁵ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории: в 7 т. Т. 4: Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917–1923). М., 1980. С. 134.

⁴⁶ Там же; Рабочее и освободительное движение в странах зарубежной Европы и Америки: Хроника важнейших событий нового и новейшего времени. Минск, 1986. С. 178.

⁴⁷ *Майданик К. Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936–1937 гг. М., 1960. С. 37.

⁴⁸ Цит. по: *Стегарь С. А.* Практикум по Новейшей истории (1917–1945). М., 1980. Вып. II. С. 10.

⁴⁹ Рабочее и освободительное движение в странах зарубежной Европы и Америки... С. 203; Международное рабочее движение... Т. 4. С. 161–162.

⁵⁰ *Терраччи У.* Итальянское рабочее движение и Великий Октябрь // Новая и новейшая история (Москва). 1957. № 5. С. 19.

⁵¹ Цит. по: Новая и новейшая история (Москва). 1957. № 4. С. 228–229.

национальных государств – Польши и Королевства южных славян. В 1917–1918 гг. призывы к созданию Советов и переходу власти в их руки присутствовали и занимали важное место в программе группы «Спартак» и группы леворадикалов в Германии, а затем в программе КПГ. В апреле 1919 г. социал-демократические партии Сербии, Боснии и Герцеговины, а также представители рабочих Хорватии и Словении пришли к признанию, что «*путь к социализму лежит через диктатуру пролетариата*, а форма этой диктатуры – *Советская власть*»⁵² (курсив источника. – А. Ш.). Осенью 1919 г. под влиянием левого крыла Итальянская социалистическая партия приняла новую программу, в которой говорилось о диктатуре пролетариата и создании Советов⁵³.

В программах большинства первых коммунистических партий, возникших в 1918–1921 гг., в качестве цели была обозначена диктатура пролетариата именно в форме Советов. Данное положение было прописано, в частности, в программе, принятой Первым (Объединительным) съездом Коммунистической рабочей партии Польши (декабрь 1918 г.) и Вторым съездом Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) в июне 1920 г. Практически все возникшие в 1918–1921 гг. компартии открыто ставили в программу пункт об установлении диктатуры пролетариата в форме Советов; исключение составили совсем немногие, например, Коммунистическая партия Японии и некоторые другие.

Выступая на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г., Р. Люксембург, говоря о значении российского опыта, и особенно российского опыта Советов, для Германской революции, под дружные одобрительные возгласы делегатов съезда произнесла: «Мы можем уверенно сказать – и это само собою вытекает из всей обстановки: в какой бы стране после Германии ни произошла пролетарская революция, первым ее шагом будет образование рабочих и солдатских Советов»⁵⁴.

В начале 1919 г., сравнивая уровень мирового революционного процесса с периодом августа 1918 г., В. И. Ленин констатировал, что тогда «пролетарская революция ограничивалась Россией, и „Советская власть“, т. е. принадлежность *всей* власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казалась еще (да и была на деле) только российским учреждением.

Теперь, 12 января 1919 года, мы видим могучее „советское“ движение не только в частях бывшей империи царя, например в Латвии, в Польше, на Украине, но и в западноевропейских странах, и в нейтральных (Швейцария, Голландия, Норвегия), и в страдавших от войны (Австрия, Германия). Революция в Германии – которая особенно важна и характерна как одна из наиболее передовых капиталистических стран – сразу приняла „советские“ формы»⁵⁵.

«Мы достигли того, – с удовлетворением отмечал В. И. Ленин в марте 1919 г., – что слово „Совет“ стало понятным на всех языках. Массы поняли, что их спасение в рабоче-крестьянской власти, в Советах. Вот почему в Москве, на съезде III Интернационала, нам так легко было достигнуть соглашения. В самых глухих углах, в каком-нибудь итальянском Пошехонье, собираются батраки и рабочие и заявляют: „Мы приветствуем германских спартакистов и русских советистов и требуем, чтобы их программа стала программой рабочих всего мира“. <..> Народные массы поняли, что с помощью парламента они не добьются улучшения своего положения. Нужна рабочая власть, нужны Советы»⁵⁶. В предисловии к сборнику о Парижской Коммуне, вышедшем в июле 1920 г., Г. Зиновьев писал: «Скоро исполнится 50 лет со времени

⁵² Обращение Сербской социал-демократической рабочей партии в Бюро III Коммунистического Интернационала // Хрестоматия по Новейшей истории. Т. I. 1917–1939. Документы и материалы. М., 1960. С. 469.

⁵³ Международное рабочее движение... Т. 4. С. 231.

⁵⁴ Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991. С. 366.

⁵⁵ Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 456.

⁵⁶ Ленин В. И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. Газетный отчет // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 37.

Парижской Коммуне. Пожелаем, чтобы пятидесятилетие это было отпраздновано рабочими в Советской Франции. Памятник нерукотворный мы можем поставить героям-коммунарам, освободив весь мир от ига капитала»⁵⁷.

Советы мыслились не только как органы власти победившего пролетариата в разных регионах мира, но и как основа для объединения в международную федеративную республику Советов. Еще в марте 1918 г. в омских «Известиях» была опубликована обширная теоретическая статья «Интернационал будущего» венгерского интернационалиста Белы Куна, в которой автор, находившийся в то время в Западной Сибири, пытался обосновать стратегию и тактику международного коммунистического движения на ближайший период и представить развитие событий в недалеком и более отдаленном будущем. Предполагая наступление во всем капиталистическом мире всеобщей социальной революции, картину торжества будущего, Третьего Интернационала он представлял следующим образом:

«1) Условия: переход от беспорядочного мирового капиталистического производства к планомерной, социалистической организации социального хозяйства. Уничтожение эксплуатации.

2) Организация: Советы рабочих и крестьянских депутатов, объединяющие в качестве органов пролетарской диктатуры все пролетарские и полупролетарские элементы каждой страны. Эти органы объединяются в организацию всемирной диктатуры пролетариата и представляют все экономические и политические интересы трудящихся масс.

3) Программа деятельности: всемирная диктатура пролетариата. Общая борьба против контрреволюции. Помощь еще угнетенным пролетариям в форме международной революционной войны с еще стоящей у власти буржуазией. Господство революционного марксизма как научного обоснования социальной революции. Интернационализм в форме федеративной республики Советов пролетариата всех стран, окончательно освободившегося от национального гнета империализма»⁵⁸.

Более отдаленное будущее представлялось автору так: «А дальнейшее уже выходит за пределы существования пролетарского интернационала. Потому, что через Интернационал Советов все человечество придет к „прыжку“ из царства необходимости в царство свободы»⁵⁹

⁵⁷ Парижская Коммуна: Акты и документы, эпизоды кровавой недели. Пг., 1920. С. 2.

⁵⁸ Кун Б. Интернационал будущего // Известия... (Омск). 1918. 22 марта. С. 3.

⁵⁹ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.